

**ТАТЬЯНА СКОРИКОВА**

*Листаю осени  
страницы*

*Избранные стихотворения*



Москва  
ИПО «У Никитских ворот»  
2012

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

С 55

**Скорикова Татьяна**

**С 55** Листаю осени страницы. *Избранные стихотворения.* – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2012. – 208 с.

ISBN 978-5-91366-415-0

В сборник вошли избранные стихотворения, написанные поэтессой в 2009 – 2011 гг., в которых отдельные странички жизни лирической героини раскрываются в контексте четырех времен года. Автор приглашает читателя взглянуть в мгновенно меняющиеся контуры осеннего пейзажа, вслушаться в хрустальные аккорды зимы, прикоснуться душой к истоку весенних строф, почувствовать всю горечь разлуки с любимым на волоске от расставания, проникнуть в тайну рождения поэтического слова-образа, концентрирующего в себе все краски бытия, всю палитру чувств и живой гармонии мироздания.

Мысль о пересечении поэзии, живописи и музыки пронизывает лирическое повествование книги и отражена в ее композиции.

ISBN 978-5-91366-415-0

© Скорикова Татьяна, 2012

© ИПО «У Никитских ворот»,  
оформление, 2012

## Об авторе

Татьяна Скорикова родилась и живет в Москве. Закончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирантуру Института русского языка им. А.С. Пушкина. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГТУ им. Н.Э. Баумана. Более 30 лет проработала в системе высшего образования – в вузах Москвы и за рубежом. Опубликовала более 100 научных трудов по русской филологии (стилистике, культуре речи, лингвистике текста), методике преподавания русского языка. Член Союза писателей России, член Московской писательской организации, член литературного клуба ЦДЛ «Московитянка».

Автор трех поэтических сборников: «Твоею жаждой стать» (2002), «Исповедание» (2002), «За живую водою» (2008). Стихи публикует в Интернете на сайте

СТИХИ.РУ, в коллективных поэтических сборниках («Золотая строфа», «Синева на крылах» и др.), в сборниках проекта «БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ», журнале «Поэзия», в зарубежных и отечественных периодических изданиях (журнал Союза русских «Вместе» /Словакия/, «Эмигрантская лира» /Бельгия/ и др.) и альманахах («Лава», «Берновская осень» и др.) .

Лауреат международного литературного фестиваля «Литературная Вена-2009» в номинации «Поэзия» (Австрия, г. Вена), финалистка международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира-2011» (Бельгия, г. Льеж). Награждена почётной медалью «55-лет Московской городской организации Союза писателей России: 1954 – 2009» и дипломом «За верное служение отечественной литературе» (2009 г.), памятной медалью Союза писателей России «А.С. Грибоедов» (2009 г.), дипломом «Золотое перо Руси» по итогам конкурса «Лучшая книга 2008 – 2010» за поэтический сборник «За живую водой».

Великая традиция русской женской поэзии – обнаженность сердца, стремление выплеснуть в мир боль и радость, тайные предчувствия и переживания, ощущение сопричастности со всем мирозданием, – звучит естественно и задушевно в любовной лирике поэтессы, в ее стихах о природе, родной земле, в ее духовных поисках и раздумьях.

Страничка Татьяны Скориковой в Интернете, на сайте СТИХИ.РУ: <http://stihi.ru/avtor/82192113>.

Отзывы, впечатления, предложения присылайте по электронной почте:

[tpskorikova@mail.ru](mailto:tpskorikova@mail.ru).

## *«Зрачком небес отражена»*

Если говорить о поэзии, призванной творить доброе, чистое, светлое, то Татьяна Скорикова следует именно этому высокому призванию. Не впрямую, конечно, и не целенаправленно. Она пишет по велению сердца, в силу красоты своей душевной, от внутренней тонкой чувственности. И, конечно же – от щедрости своего таланта.

«Осенняя палитра», «Аккорды зимы», «Весенних строф исток», «На волосок от расставания», «Мгновения невысохшие краски» – это названия разделов, вошедших в книгу. И сразу настраиваешься на поэтический лад, и сразу к восприятию обостряются все органы чувств: осень ярка и многоцветна – автор ее рисует, зима статична и монохромна, и автор учит слушать ее аккорды, весна текуча и динамична – и поэт находит в этом исток вдохновения...

Ее весенние строки имеют свойство проникать талой водой, ароматами вдохнувшей солнечного тепла земли, врываться яркой сочной зеленью в самую душу. Зимние строки читаются как послание на окнах, ложатся первородным снежком на растревоженные суетливой реальностью чувства – такие стихи целебны и благотворны.

Откройте любую страницу книги, и Вы непременно будете очарованы мастерством автора. Посмотрите – ни одного поспешного неорганичного слова, другим и не заменить, потому что гармоничная картина сразу нарушится, станет неестественной и чужой. Татьяна творит свой поэтический мир, украшает его, населяет великолепными образами, метафорами, аллегориями.

*«Сколько поэзии дарите вы, хрупкие лучики блеклого солнца... Гулко осеннее эхо куется в бронзе и меди опавшей листвы».*



Взмах «кистью» – и уже «эхо куётся», ещё взмах – и лучики приобретают хрупкость и тут же одаривают нас поэзией, ещё взмах – и листва под ногами превращается в нечто дорогое и нетленное.

В книге собраны стихи, о создателе которых можно сказать – Художник! Как импрессионист, увидев и налюбовавшись, спешит перенести поразившую его картину на холст, так и Татьяна Скорикова не может пройти мимо даже чего-то обыденного, например, тихого осеннего парка. Разглядеть, философски осмыслить и высокохудожественно отобразить мгновение жизни – всё это дано автору этой книги.

*«Какого цвета дух эпох... Что спрашивать, когда – поверьте – осины – в акварели – вздох, как «Памятник», войдет в бессмертье!»*

Строчки цвета осенней осины, дух эпохи трепетен, и покорен, и печален, и вечен. Несколько «мазков» – и время запечатлено.



Или ещё:

*«Есть леса тайная речивость, когда летит по сентябрю трепещущих мгновений стылость, светясь, подобно янтарю, и угасает каплей лета, медовый день испив сполна. А в нем осенняя планета зрачком небес отражена...»*

Янтарь, мёд... и космос...увидеть симбиоз земного и небесного, мгновения и вечности – удел талантливого поэта. Мгновения стихов Татьяны Скориковой зримы, слышимы, вкусны, почти осязаемы. И вневременны. Она одаривает окружающий мир тем, чем сама одарена свыше, ее поэзия «зрачком небес отражена» и благодарно вверена Читателю.

*Надежда ВЕСЕЛОВА*  
*Поэт, член Союза писателей России*





*Осенняя палитра*

\* \* \*

Пока еще листва не отгорела,  
пока в ней блещет неба синева,  
пусть на странице осень кистью смелой  
оставит, как лучи, любви слова...

Они погаснут, может, но незримо  
в душе моей – божественной строкой –  
оставят след, как свет неугасимый,  
в котором вечен будет... образ твой...

\* \* \*

Август рисует тонкою кистью  
профиль осенний, печален и строг,  
и на прощанье кленовые листья  
падают тихой мелодией строк.

Лета крупницы, как зернышки света,  
вечер роняет безмолвно в ладонь.  
Я и в разлуке тобою согрета,  
мой седовласый, но юный огонь!

Дымного зноя родная щетинность,  
жилка реки на покатости лба...  
Тот же маршрут. Поездами в равнинность,  
видно нас, милый, влюбила судьба.

И ошалелого лета усталость,  
и различимый в ночи силуэт...  
Август. Перрон. Все, что было, осталось  
нам, как подарок, сединками лет...

## *Пить август...*

Такое простое и странное счастье:  
сидеть на лугу и в восторге, до дна,  
пить август, себя ощущая во власти  
его колдовского, под осень, вина.  
Оно настоялось в хранилищах леса.  
О, сложен букет предсентябрьских вин!  
В них все ароматы и отзвуки лета,  
воздушность берез, живописность осин.  
В них все, что еще может в миге продлиться  
и в бликах озерных, искрясь, прозвенеть,  
а перебродив, настоясь, превратиться  
в густую, закатом отлитую, медь.

## Предвестье осени

### 1.

По чьему велению, по чьему  
август скоро сентябрем прольется,  
отражаясь в синих слитках солнца,  
лодкой спрятанных под самую корму?

Отчего, вонзаясь в синеву,  
день сегодня, как столетье, длится,  
в небеса вливая наши лица  
памятью озерной наяву?

### 2.

Я процеживаю вечер сквозь ладони,  
что сегодня нам судьбой подарен...  
Он, как лик – велик, как взгляд – бездонен,  
как лоза тенистая – янтарен...

И, предвестьем осени витая  
на звучащих стариной руинах,  
вечер этот отзовется в винах,  
вещий дух столетий обретая...

*Словакия,  
Банска Штявница*



## Вечер в Экс-ан-Провансе

*Не плачь, – устало проговорил художник, –  
тоска все равно остается...*

*последние слова Ван Гога брату Тео –*

*(из книги Дины Рубиной  
«Холодная весна в Провансе»)*

Не плачь... Тоска все равно остается.  
И, словно подсолнухи, клонится солнце.  
С тишайшего неба сползает светило,  
чтоб красками заводь разбавить уныло.

Не плачь... Сколько б ни было солнца  
разлито,  
под вечер его загустеет палитра,  
коснется лучами шершавого стога,  
как кистью... бессмертной кистью Ван Гога...



## Вечерний звон

*К одноименной картине Левитана*

Осенний день. Обитель. И покой  
в том полотне, душой хранимом с детства,  
где звон вечерний льется над рекой,  
впадая звуком в заповедность сердца.

И золотятся луковки церквей  
в бездонности небесного мотива,  
вбирая дальний клекот журавлей  
сиянием природы молчаливой.

Есть в таинстве великого холста  
с церквушкой, воспарившею над склоном,  
простор... и тишь... и дух... и высота,  
пролитая на Русь вечерним звоном...





## *Бездонье глаз осенних...*

*Глаза твои премудры и пречисты!*

Б. Ахмадулина

Бездонье глаз осенних... В них зимы  
такая явственность, и зябкость,  
и безмерность...  
В них скрыто то, что постигаем мы  
со временем в одном лишь слове –  
верность.

В них нет банальных фраз и суеты.  
В них есть покой и свет, и многоликость...  
Бездонья глаз прекрасные черты  
таят в себе природную великость.

И первородство слова и добра,  
далекие от мелкого тщеславья.  
В бездонье глаз осенних мишура  
пустого суесловия не правит.

В них – утонуть, напившись тишины  
и сущего узреть глубинный корень...  
Бездонья глаз небесности полны  
и яростной распахнутости моря...

## Белла

*А за то, что была так нема,  
И любила всех слов имена,  
И устала вдруг, как умерла,  
Сами, сами воспойте меня.*

Б. Ахмадулина

Эхо светлое текло по долине на пригорки,  
растекалось молоко раздумянившейся  
зорьки.

Запах скошенной травы, пестрые  
рубашки рощиц  
в полведерке синевы у мостка сентябрь  
полощет.

Речка лето унесла, а без лета – обмелела...  
Речку ту я нарекла серебристым звуком –  
Белла.

И течет она себе, краски осени вбирая,  
не по руслу – по судьбе, до ее крутого  
края...



Вспыхнет нотками дождя и погаснет...,  
но живая  
строчки вырвется струя в семицветьи  
струнок мая,  
отражая высоту в небесах церквушки  
белой...  
Назвала я речку ту именем российским –  
Белла.

## *Берновская осень*

Осеннего леса листаю страницы  
и вижу в них росчерки ранней зимы,  
где в листьях живущие солнца крупицы  
в душе бережем, как мгновение, мы.  
Успеть бы... Их тающий ответ  
простужен,  
пронизан дыханьем седых холодов,  
сжимающих росплески осени туже  
тесьюмой ледяной на минувший Покров.  
О, робкие теплые зернышки света!  
В предзимье спасительна память огня –  
целебной искристой червонности лета  
глоток из настоянных вин октября...

Успеть бы... Пока не осыпались клены,  
касясь строкою их зябкой души,  
вознесть бы над пламенем леса ладони  
в берновской\* – сияющей Словом – тиши...

---

\* Берново – село в Старицком районе Тверской области, в 25 км к северо-западу от г. Старицы. Основная достопримечательность села – усадьба дворянского рода Вульфов, в которой неоднократно бывал А.С. Пушкин. В 1971 в Берново, в бывшем усадебном доме Вульфов, открыт музей А.С. Пушкина, и в том же году в Берново проведен первый областной праздник поэзии, ставший традиционным. С 2007 года издается литературный альманах «Берновская осень», представляющий творчество участников ежегодных общероссийских литературных встреч в Берново в начале октября.

## Сентябрьские наброски

### 1.

Есть леса тайная речивость,  
когда летит по сентябрю  
трепещущих мгновений стылость,  
светясь, подобно янтарю,  
и угасает каплей лета,  
медовый день испив сполна.  
А в нем осенняя планета  
зрачком небес отражена...

### 2.

За прудом, окая протяжно,  
дрожа от пыли дождевой,  
лесного эха голос влажный  
под старой ежится сосной  
и бережет в своей котомке  
фальцет и низкие тона,  
чей сентябрь мотив негромкий  
запечатлела тишина...

\* \* \*

Пока не тронут сентябрем,  
осенний день – высок и звонок –  
с утра разжился огоньком,  
глаза не протерев спросонок.

Ах, тонкий аромат дымка,  
струны уснувшее созвучье,  
и леса теплая рука,  
в костер подбросившая сучья.

Зола-ворчунья язычок  
мне показала желто-алый,  
а на походный рюкзачок  
век сбросил всю свою усталость...

\* \* \*

Кончается песня, кончается лето,  
и небо рыдает по лету навзрыд.  
Уж осень разменной медной монетой  
пустеющий лес и пруды золотит.  
И клонится день к одинокой запруде,  
где август веселье и смех схоронил,  
а сердце томится тревогой: не будет  
добраться кому-то до осени сил.

Сентябрь по-боярски прошествует чинно  
в осиновых горницах свечи зажечь,  
нашепчет на воду немую кручину,  
и рыжий кафтан скинет с бронзовых  
плеч.

Холодным дыханием губы остудит,  
подхватит, закружит, завьюжит листвою,  
по-русски затужит, да горечь разбудит,  
что лето осталось в запруде лесной...

## Журавлиный клин

Клин журавлей, пронзив пространство,  
над куполами в высоте  
зовет нас ввысь – из дальних странствий  
вернуться и опять – взлететь!  
И вшит в рушник небес, в безбрежность,  
рукой самой природы клин,  
как будто память о безгрешном  
пути среди родных равнин...

Там, уводя за грань сиротства  
России и вселенной всей,  
вонзался он в лазурь и солнце  
простою истиной своей:  
что нет для нас иных, чем этих  
небес над скошенным жнивьем,  
где дух спасителен и светел,  
где пахнет хлебом и жильем,

куда с чужбины нам вернуться  
на вещий журавлиный клич  
предрешено, чтоб обернуться  
живою теплотой Земли...



## Бегущей строкой

Вдали от России, но рядом,  
ведь в сердце бегущей строкой  
летит она то снегопадом,  
то солнечной бурей весной,  
то хлестким сиреневым всплеском  
с дробинками капель дождя,  
то стылой листвой перелесков  
в тумане осеннего дня,  
то ввысь заостренностью звонниц  
и строгостью тонких свечей,  
то Ликом, светящим в иконе  
задумчивой глубиной очей,  
то клином, который по-птичьи  
с небес окликает вослед  
того, кто постигнул величье  
России и суть ее бед.  
Кто в этих навеки равнинах  
остался – травой прорасти

и вехами крыл журавлиных  
нам долго махать на пути....

Вдали от России, но рядом,  
ведь в сердце бегущей строкой  
обрушится тишь листопадом  
а Слово задышит... судьбой...

## Княгиня Осень

Сквозь сумрак одиноких сосен  
в прохладой высветленный грот  
княгиней древнерусской осень,  
как лебедь гордая, плывет.

Глаза ее строги и дивны,  
и золотом расшит убор.  
Парчой обитые гардины  
раздвинул перед нею бор.

Рукоположена на царство –  
о, как торжественно велик  
светящийся в лесном пространстве  
октябрьский иконный Лик!

Ее не трогает мирское,  
она превыше суеты.  
Какою магией покоя  
исполнены ее черты!

Махнет – и птицей обернется  
и устремится в небеса.  
И по ее велению солнце  
пронзит, как глубь озер, леса...

## И снова я возьмусь за кисть

Какая тишь стоит окрест!  
Мне счастье выпало сегодня  
живописать осенний лес,  
входя в него, как в храм Господний.

Раскрыть палитру и смешать,  
пылающие охрой краски,  
пока осенняя душа  
по лесу бродит без опаски.

Слегка дотронется плеча  
и взглянет кротко, без укора...  
Душа осенняя, свеча  
твоя, увы, погаснет скоро.

Пока же теплится она  
в кленовом отроче устало,  
размочит краски тишина  
в моей палитре желто-алой.

И снова я возьмусь за кисть:  
листвяного прикосновенья  
продлится маленькая жизнь  
в строке, как миг, как вдохновенье!

## Таинство дождя

Стихало. Город плыл вечерний,  
от пут дневных освободясь,  
а в золотой небесной черни  
блистало таинство дождя.  
Его размытый лик светился  
в разлитых бликах октября.  
Он в отзвуке дождинок длился,  
кленовым янтарем горя...

Мы шли по городу. Соседство  
небес, заката, куполов  
впадало в нас наплывом детства  
и запахом осенних слов...  
Ты знаешь: пряный лист до дрожи  
озябший силуэт души  
московских переулков множит  
и в слове чудеса вершит,  
когда, как в сказке, оживает  
звучанье старых мостовых,

и дребезжанием трамвая  
пропитывает плоть листвы...  
Ты в ней – почувствуй глубину сердца –  
(сквозь зыбкость пелены дождя)  
глядят глаза мои – из детства –  
в мгновение нынешнего дня...



## Ограда

День осенний. Лист безмолвно-белый...  
Тихо в мире и снежит с утра...  
Улица совсем закоченела,  
превратившись в льдышку серебра.

Лишь ограда в устье переулка  
на скрещеньи призрачных эпох  
вторит городу, чугунной вязью гулкой  
отчеканив века шаг, и речь, и вздох.

Ей, зажатой между двух столетий,  
между сквериком и храмом, где Арбат  
по-отечески ее рукой приветил,  
чужд размах и блеск иных оград.

В ней незримо притаилась вечность  
переулков старых, и слова  
здесь свою живую человечность,  
обретают, как немерзлая листва.

Я кленовый лист возьму на память –  
отогрею сердцем... На гранит  
у ограды положу... Его устами  
вдруг она со мной заговорит?

## *Запечатлеть Замоскворечье*

Порою кажется, что мир,  
как на полотнах, перевозданы,  
когда небесностью эфир  
сочится в душу старых зданий.  
Когда в плывущих куполах  
над благостью Замоскворечья,  
лучи вечернего тепла  
сверкают акающей речью  
и сохраняют, как завет,  
ее основ первопрестольность,  
и осени неяркий свет,  
и вздох свечи, и колокольность...

Но тонет век в толпе людской,  
в ларьках торговых и рекламе...  
И крикнуть некогда: постой,  
чтоб октября живое пламя  
в слезе... сквозь отсветы листвы  
на лице милой Третьяковки

заметить, замереть ... Москвы  
увидев алый контур тонкий....

О, только б в сутолоке дней  
и ритмов сумасшедшей жизни  
вписать в дневник души своей  
осенний лес с холстов Куинджи...  
Вписать, чтоб сбыться! На века  
своей московской плавной речью  
(как кисти требует рука)  
запечатлеть Замоскворечье!

## На Ордынке

День звеня трепещет хрупким золотом...  
В нем – воздушном – полном Божества,  
посмотри: везде парят над городом  
солнечные зайчики – слова...  
Ветер их разнес по старым улицам,  
и с утра веснушчатый бульвар,  
улыбаясь ноябрю, уже не хмурится,  
осени ловя небесный дар.

Теплое мое Замоскворечие...  
Вознесенных луковок церковей,  
замирая, зажигаю тихо свечи я  
на Ордынке – в ризнице моей...

\* \* \*

Оттенки и созвучья тишины,  
как краски на палитре, загустели,  
и замерло дыханье у сосны,  
на берегу у тихой водной мели.

О, таинство созревшего зерна,  
проникшего сквозь стебли прямо  
в землю...

И как закат – приемлет тишина,  
так эту тишь я не дыша приемлю.

\* \* \*

Осколками лето легло на тропинки...  
Смахнуло оранжевым пышным хвостом  
осеннее солнце на губы дождевки,  
и лес зашуршал серебристым плащом...

Взгляни: струи света, как звонкие шпаги,  
блестят на зеленом камзоле дождя,  
рождая в касании призрачной влаги  
сиянье парчовых одежд октября...





\* \* \*

Это осень затуманила луга,  
закружила в пестром хороводе  
лес, речушку, пашню, берега,  
жухлую траву на огороде...

Это в ней, чарующей своим  
увяданьем солнечных полотен,  
ловим мы прощанья горький дым,  
ищем обретенье зимней плоти...

На ее кленовом полотне,  
всматриваясь в листьев желтый  
снимок,  
видим блики – лиц, событий, дней –  
сквозь живую сеточку прожилок...

## *Шагреновая кожа*

Смотрю в окно, как в зеркало, и в нем  
портрет осенний – сумрачный, размытый...  
Твой профиль на стекле не смыть дождем,  
хотя само стекло давно разбито...

Как медленно, устало тает дождь,  
раздробленный на мириады клеток...  
Шепчу ему: «Я знаю, ты придешь...  
кровоточа пунцовым нимбом веток...»

Развеяны осколки ноября,  
на черновик вселенная похожа...  
И заживо заря – в огне дождя –  
стекает в ночь шагреновою кожей...

## Ухожу от себя...

Ухожу... Расставанья миндальную горечь  
я таю в уголках чуть опущенных губ.  
Пряный запах листвы, заматающей город,  
и небес безнадежно-кромешная глубь...

Ухожу... Бьется бабочкой мука молчанья  
о сожженный во тьме желтый глаз – абажур.  
Я оставлю тебе тонкий абрис звучанья  
в сигаретной виньетке двух слов  
«comme toujours»\*...

Ухожу от себя... Ухожу в неизбежность,  
ухожу в маету бесконечных ночей...  
Омертвевшей слезою покатится нежность  
вслед тебе. В пустоту. Ты не мой и ... ничей!

---

\* как всегда (франц.)

## *Рукою осени*

Ты только напиши! Перелистать  
рукою осени сырых страничек листьев,  
где в золотой, к ногам летящей выси,  
трепещет слов озябших благодать.

О, беззащитное послание души,  
чей дар – пылать – с листвой опавшей  
схоже.

Ты ветром обними меня. До дрожи  
закутай в предрассветие тиши....

Как миг, горящий проседью дождя  
на сцепленных прощаньем кистях веток,  
твои слова поймаю... напоследок...  
и их впишу – в листок календаря.

## Два романса

Два романса, осенний и зимний,  
два сплетенных навеки цветка:  
вот он – желтый, а вот – бело-синий,  
два крыла, два пути в облака...

Берег правый – пылает, как охра,  
берег левый – замерзший камыш,  
на одном – все от звона оглохло,  
на другом – белой скатертью тишь...

Две судьбы: осень – отдых от бала,  
а зима – леденящий покой,  
у одной – бабье лето настало,  
седина – в волосах у другой...

\* \* \*

Романса осени прощальные слова,  
листвы замысловатые узоры  
вплетает ветер в улиц кружева,  
которые мне щедро дарит город.

С календаря слетают блески стылых  
дней  
а синь небес возносится все выше...  
Бреду одна по парку вдоль аллея,  
где осенью ковер из листьев вышит.

Увы! – непрочно рукоделье октября  
в круженьи угасающего вальса...  
Но ты послушай: пряди серебра,  
звучат слова осеннего романса...

## В строке октября

### 1.

Сколько поэзии дарите вы,  
хрупкие лучики блеклого солнца...  
Гулко осеннее эхо куется  
в бронзе и меди опавшей листвы,  
чтоб, замирая в душе у меня,  
снова в строке октября отозваться  
тихой мелодией старого вальса  
с шелестом... шепотом... шорохом дня...

### 2.

Слова, как листья, стелются, кружась,  
и оседают в памяти мгновенья,  
в котором роци светлая душа  
полна бесплотной прелести осенней.  
Роняют небеса слезинки дней,  
просвеченные отблеском багровым.  
Озябший трепет нежности твоей  
согрею я стиха осенним словом...

## *Памятью не запорошено...*

Печалью осень быстротечная  
закрасила наш дом и сад,  
и вымостил дорожку млечную  
от леса к небу звездопад.  
Пойду по ней, искрясь, безмолвная,  
в ту даль, где нет отсчета дням...  
Душой – одним тобою – полная...  
скользну по призрачным полям.

И в лунном блеске, онемелая,  
сквозь осень я проникну в сад,  
где горечью полынно-белую  
к тебе мой устлан листопад.  
Где звезд рассыпаны горошины  
и тлеют снега угольки,  
где памятью не запорошено  
касание твоей руки...





## *Но лишь тебе...*

Но лишь тебе слова мои – тебе,  
рожденные в предутренности леса,  
когда рукою осени к судьбе  
пристрочена дождливая завеса,  
когда на плечи давит небосвод,  
обрушивая клетот журавлиный  
на стылый блеск печально-черных вод,  
в струне стиха рождая звук унылый,  
когда луга нахмуренно молчат  
у заметной листьями сторожки,  
а день крадется медленно назад  
по стелющейся в прошлое дорожке...

Слова мои тебе прошелестят,  
ложась печатью лунною на строки,  
что мы с тобой, как звездный листопад,  
в октябрьском пространстве одиноки...

А ты в ответ: «Но где-то есть черта,  
срывающая с будней все запреты...»  
Конечно, есть! Взгляни на край листа –  
с прожилками негаснущего света...

## На старой даче

Вкрадчиво и мягко, по-кошачьи,  
дождь ступает, листья вороша.  
А на старой опустевшей даче  
бродит неприкаянно душа.  
То коснется книг, и отзвук дальний,  
полный тихой грусти о былом,  
проскользнет откуда-то из спальни  
и наполнит музыкою дом.  
Музыкой, когда-то отзвучавшей,  
музыкою строк и струн дождя,  
что ворвались из садовой чащи,  
чтобы разбудить забвенью дня...

Полыхнуло пламя из камина...  
Боже мой! Да кто ж его зажжет?  
Может, осень проходила мимо  
и зашла ко мне на огонек?  
Осень, осень! Веткою рябины  
полосни по памяти моей...

Пусть же все, что я недолюбила,  
ярким всплеском тех минувших дней  
вырвется из прошлого мгновенно,  
вальсом листьев алого дождя –  
хрупкой стрункою души моей вселенной  
вспыхнет.... замирая.... для тебя.

\* \* \*

Ты был осенний... пах листвой  
и приносил с собой в избушку  
иконописный, неземной  
блик лета с солнечной опушки.  
А в нем туманы и роса,  
и всполохи рябин и сосен,  
и пруд, в котором небеса  
стекали златоглавьем в осень.  
И отраженность куполов  
на стынущей закатной глади,  
и день, расчерченный без слов  
лучом на старенькой тетради...

Ты пах дымком... пылал огонь...  
Терялось в роще эхо где-то...  
Ты, молча уходя, в ладонь  
вложил мне мятный отблеск лета.  
Его пьянительный настой  
вкушать бы и вкушать ... бездонно...

и растворяться бы с тобой  
в чуть тлеющем свеченьи клена...  
Прощанья – нет... Лишь угольки,  
крупницы времени как будто,  
касаются моей руки,  
и одиноко... гаснет... утро...

## Осенняя акварель

Тепло прощальное, земное...  
Какого цвета естество  
осинника – насквозь сквозное –  
с прозрачно-огненной листвой?  
Какого цвета день осенний  
и затуманенность озер,  
и в паутинке полутени  
чуть серебрящийся узор?  
Какого цвета тишина  
и шелест высветленной чаши,  
березняка голубизна  
в холсте, палитрою звучащем?

Какого цвета от костра  
стрекозых угольков плясанье,  
когда вечерняя пора  
задрапирует увяданье,  
и выйдя из лесных гардин  
на сцену дня, без декораций,



сквозное естество осин  
оставит миру, как Гораций...  
Какого цвета дух эпох...  
Что спрашивать, когда (поверьте!)  
осины – в акварели – вздох,  
как «Памятник», войдет в бессмертье!

\* \* \*

В кленовом солнце растворясь,  
на охре живописных линий,  
осенний день, в листве паря,  
стекал струей янтарно-синей...  
И на березовый листок,  
впитавший теплый отзвук лета,  
он акварельной гаммой лег,  
медово-мятной каплей света...  
И вспыхнув тысячами свеч  
дождинок, с запахом сосновым,  
светилась тихо леса речь  
своим – исконно русским – словом...

## Осень Купавна

Аукнется счастье в осеннем затишье  
печально и робко – как капает дождь –  
и спрячется эхом в еловые ниши.  
Попробуй его отыскать – не найдешь.

В багрово-зеленом камзоле с раструбом  
клен золотом мантии кружит меня.  
Соседнего бора нестройные трубы  
в ответ пробасят, глухо медью звеня.

Аукнется счастье струною протяжной,  
замрет и очнется опять в тишине...

Ты помнишь, как осень косынкою  
влагной  
тебя через годы тянула ко мне?

Ты помнишь: тогда, под сосной,  
на поляне  
махала она сквозь орешник платком.

И часто случалось: поверишь – заманит  
в глубь леса за ней устремиться тайком.

Аукнется счастье – так близко, так явно.  
Протянет ладони согреться к костру.  
Откликнется сердце... А осень Купавна\*  
Косынкой дождя прошуршит на ветру...

---

\* Купавна – железнодорожная станция и стародачное место по Курскому направлению недалеко от Москвы.

\* \* \*

Листаю осени страницы  
и в листьях вижу чьи-то лица,  
а на шершавости коры  
я вижу тайные миры.  
Ах, осень, осень! В одночасье  
ты остудила чье-то счастье,  
замкнув касаньем легких рук  
озерной глади полукруг.  
И шаями огня алея,  
скользнула феей вглубь аллеи,  
небрежно скинув пепел строк  
на леденеющий порог...

## *Ранний снег. Ноябрь*

В ожиданьи снега тишина  
выстелила инеем под вечер  
грустную аллею, где зима  
улице припорошила плечи...  
День еще чуть брезжит, а в стекле  
линию фонарных многоточий  
отражает время, на столе  
разметавшись искорками строчек...

В одночасье поседела вдруг...  
осень, прячась в шорох листьев...  
Змейкой  
просочился сквозь сплетенье рук...  
ранний снег... и умер... на скамейке...

## Геorgию Адамовичу

Мне хочется, чтоб снег тяжелый лег,  
Тянулся небосвод прозрачно-синий,  
И чтобы вечно чувствовать я мог  
На сердце лед, а на деревьях иней.

Геorgий Адамович

(Из книги «На Западе» (1939) <Поэты  
парижской ноты>)

Беззвучный день. Сырой, промозглый,  
синий...

Лишь время – безнадежный ход часов –  
цепляет за кору, как липкий иней.  
В унылом безразличии. Без слов.

Немея, увядает дар созвучий.  
Остекленели, вымерзли цветы.  
И кажутся завернутыми в тучи  
беглянки-музы серые листы...

А небо прижимается щекою  
к просвету будней в пасмурном окне.  
И мир сужается... до выстрела... строкою  
«парижской ноты» целясь – в сердце –  
мне...



## Смывает дождь...

Смывает дождь строки законченность,  
и тонкой кистью, филигранно  
рисует профиль одиночества  
унылой однотонной гаммой  
и пишет письма неразборчиво  
на стеклах, словно на тетради...  
Да сбудется ль небес пророчество  
о чуде снега в стольном граде?

Смывает дождь... О, как изменчивы  
его кистей штрихи немые,  
что с осенью стихом повенчаны,  
а в нем отражены не мы ли?  
Рукой дождя – косою линией –  
исчерчено течение утра,  
где изморось – подобию инея –  
врывается в тепло уюта,  
бродя по кухне неприкаянно,

ложась легко на подоконник,  
глядя в окно зрачком раскаянья  
на ливня хрупкие ладони...

Да сбудется ль небес пророчество  
о снеге, чистом, первозданном,  
спасающем от одиночества  
понуристость душ, унылость зданий...  
Да сбудется ль? Звеня аккордами  
узорчатых мелодий улиц,  
родится ль снег, плывя над городом,  
как солнца светоносный улей?  
Пусть, изгоняя недосказанность –  
из слов, из душ – оледенелость,  
он ниспадет, украсив стразами  
вселенной голубое тело!

Расцветит площади ромашками  
и венчиками искр колких,  
усеет звездными мурашками  
дома и в старом сквере елки.

Прикосновеньями летучими  
вернет перу полет, с разбега...  
И слово, выпорхнув, созвучием  
сверкнет... подобно искре снега...

\* \* \*

Два желтых листочка сцепились дрожа  
в беспомощной схватке с порывом.  
В них теплится леса живая душа  
в убранстве ее сиротливом.

Но только взгляни – в их ладошке звенит  
пурпурного солнца монета,  
и в гербе ее отчеканились дни  
пропахшего травами лета...

В преддверье зимы на изломе тропы,  
где светится скошенность луга,  
Два желтых листочка нам знаком судьбы  
отныне даны друг для друга...



Аккорды жизни

## *Брожу по ранним декаблям...*

Брожу по ранним декаблям,  
по улочкам Замоскворечья,  
где девушка-зима под вечер  
под снежной шалью спрятав плечи,  
проникнув с Третьяковской в храм,  
пред Ликом зажигает свечи...

И тонким росчерком пера  
рисует на стекле узоры  
и опрокидывает город  
в сияющий неоном холод  
под льдистым звоном серебра,  
цепляя звездочки за ворот...

Брожу по кромке зимних дней –  
по Поварской и по Арбату,  
как в юности своей когда-то,  
и наших душ святое братство

я ощущаю все сильнее  
(и это вовсе не бравада!)

Звучит тихонько со двора,  
как декабрю с небес подарок –  
напев почти забытый, старый...  
И слышишь? – приглушив литавры,  
мороз насыпал серебра  
в мелодии – со струн гитары...

## Послание зимы

Зимы посланье на стекле, как чудо в слове,  
свеча морозная во мгле, дыханьем ловит.

А завязь декабря в ночи, тревожа память,  
вливается огнем свечи в метели пламя.

Трепещет на ветру перо, стора, дышит...  
Так вьюга знойная порой стихию пишет!

Узоры множа на стекле, как заклинанье...  
Читаю сквозь сединки лет зимы посланье...



\* \* \*

Белое солнце зимы, будто в пустыне,  
блеском своей белизны медленно стынет...

Белое, словно снег, время струится  
талой снежинкою с век мне на ресницы...

Белого месяца воск капнет на тени  
двух одиноких берез благословеньем...

С чуткой хрустальности уст льдинкою  
счастья  
на можжевеловый куст ляжет причастье...

Заиндевелая ель, в инее – сердце...  
Брезжит – небесно – купель...  
с Ликом младенца. ...

\* \* \*

Бледное, лунное, чуточку снежное  
тянется время поземкою нежною...  
И между нами полоской бессонницы  
вечер ложится на синие звонницы...  
А в тишине голубые созвучия  
падают с неба вуалью колючею...  
На серебристом зигзаге Медведицы  
мысли Галактики – звездной метелицей  
кружатся в тихой минорности вечности  
таинством снега и таинством млечности...

\* \* \*

Летят снежинки, тканью звездной  
светясь на бахrome морозной...  
Летят, опережая зимы  
с усталою улыбкой мима...  
Как будто им года подвластны  
ежеминутно, ежечасно...  
Под звездный блеск крылато в стремя  
скакнул лихой наездник – время...

И с ними – временем и снегом –  
летим мы в круговерти бега...  
В пригоршни снежных вишен кисти  
ловя захлеб, с небесной выси...  
Не веря в то, что улетает  
жизнь белокрылой снежной стаей...

## *Сверкнет поземкой слово...*

Сверкнет поземкой слово... На окне,  
морозцем легким, как свеча, задышит...  
В аккордах снежных, в звездчатом огне  
зима пером луны нам письма пишет.

А время стынет, сонно серебрясь,  
дыша предновогодием Арбата...  
Стихов его невидимую вязь  
сгребает старый дворник виновато.

Ах, отчего пустынные дворы  
в Старопесковском\* и Борисоглебском\*  
не осеняет лепет детворы  
и треньканье гитары по-соседски?

И лишь метель, заблудшая, бредет,  
ступая лапами морозными – из воска –

---

\* Старопесковский и Борисоглебский – переулки в районе старого Арбата

в мой город одиночества, где лед  
пронизывает мишуру пустого лоска...

Снег все идет... Ну что ж... впущу пургу,  
возьму ее, лохматую, за лапы.  
С ней станет мне уютней... Я смогу  
ее согреть дыханьем свечки слабым.

Пушистая, она вильнет хвостом,  
и не скуля, а мирно, как когда-то,  
завьюжит снова улицу и дом  
на перекрестке двух эпох Арбата...

Сверкнет поземкой слово, и искрясь,  
откуда-то, с высот небесной ниши,  
родится стих... А с ним вернется связь  
сердец, чьим пульсом... вечный город...  
дышит...

## *Бело и пустынно...*

Бело и пустынно,  
такая картина  
с утра во дворе декабря:

зима канителью  
завьюжила ели,  
в снегах утопает заря...

Из снежности ночи  
снегурочкой хочет  
день выплыть и лес озарить

улыбкой морозной,  
поземкою звездной,  
усяев жемчужную нить...

И в ней незаметно  
созвучием света –  
в предчувствии тайн Рождества,

как в сердце и разум,  
как в сущее – разом  
с небес ниспровергнуть в слова

сиянье березы  
в узорах мороза,  
лилового пламени бег...

и звонницу сосен,  
чью душу возносит  
летащий – в межстрочие – снег...

\* \* \*

Беседую с бесснежным декабрем,  
прошу мне испытанье уготовить:  
мой спящий город этим зимним днем,  
как в сказке, воскресить – хотя бы в слове.

Мне хочется – вдали от суеты –  
его создать, вдохнув морозность леса  
в безлюдных улиц хмурые черты,  
стерев с окон усталость, словно плесень.

И оживить деревья и дома  
подарком с неба – белизной шуршащей,  
Да будет снежных елок кутерьма  
и хвойный дух седой таежной чащи!

Пусть прогарцует гордо вороной,  
копытом высекая перед нами  
шалые искры льда... Над мостовой  
взовьется ль вьюги голубое пламя?!



\* \* \*

В хрустальность ожерелья декабря,  
в холодный пурпур ледяного света  
легко и звонко девушка-заря  
вошьет мою жемчужинку сонета.

А в нем глоток и жар хмельного лета...  
На солнце радугой морозною горя,  
сонет-синичка волею поэта  
украшит зимний день календаря...

Исполнены гармонией слова  
природы: в летне-зимних красках  
так много красоты и естества!

Но только есть всего одна опасность:  
А вдруг зашелестит в стихе листва,  
поведав все... И стану я безгласна!

## *На листке судьбы*

Нарисую поле и мороз,  
нарисую неба бесконечность...  
На снегу – сияньем тысяч звезд  
высветится лунной ночи млечность.  
Нарисую магию огня,  
веток треск, дыхание метели –  
белое пространство бытия  
с зернышками будущей капли...  
Нарисую на листке судьбы  
все, чем так душа моя томится.  
И слова молитвы и мольбы  
отогреют снежные страницы...

\* \* \*

Живу строкой, как воздухом, живу!  
В нее вливаю неба синеву,  
а зимний лес, светящийся морозом,  
в строке я вытку крестиком-узором  
и поселю в ней не заморских птиц,  
лишь сердцу милых – снегирей, синиц,  
зарю ввысь заточенные ели,  
чтоб холода в них струнки зазвенели...  
Как солнцем – высвечу словами тени чащи,  
зажгу костер, стихом зимы звучащий,  
и в нем тебя увижу наяву...  
Как голосом твоим, строкой живу!

## *На снегу твое имя вышью...*

Дышит печка, скрипят салазки,  
склон покрыт золотой чешуей.  
Блещут Альпы, как в старой сказке,  
серебристо-седой тишиной.

Вон волшебные ели-старушки,  
сдвинув брови, за домом стоят.  
Виден мне из тирольской избушки  
их торжественно-белый наряд.

Ах, какое февральское утро!  
Искрометен блестящий наст.  
Пусть диковинным перламутром  
лес Сваровски осыпет нас.

Позови меня – я услышу.  
Солнцем, небом, кристаллами льда  
на снегу твое имя вышью,  
чтоб не таяло никогда!

## Седой художник

Седой художник росчерком пера  
легко кладет этюды на страницу:  
черненными штрихами серебра  
с нее слетают зимней стаей птицы...

И светятся стеклярусом огней  
по брови утопающие крыши.  
Крестами птичьих лапок – стылых дней  
узор морозом-пейзажистом вышит...

Не я – скорее он – отобразит  
сон, сотканный поэзией из яви...  
За гранью дня душа моя скользит  
вся! – вглубь листа, не думая о славе...

## Мой город

### 1.

Мой город, ты так сладко спишь...  
Из пряжи снега ткется время,  
спадая бахромою с крыш  
и в приближенье чуда веря.

В предутреннем морозном сне  
нет места страхам и потерям.  
Звезда, как маячок, в окне  
лучом приоткрывает двери

и может невзначай скользнуть  
в теплом согретую квартиру,  
сесть за экран и заглянуть  
на сайт под именем «СТИХИ.РУ»...

Ты спишь, мой город, из огней  
рукой декабрьскою вышит...  
И тихо на щеке моей  
душа твоя – снежинкой – дышит...

2.

Ты мирно спишь, и свет луны  
звучит торжественным аккордом...  
Из музыки голубизны  
рождаются под утро сны,  
как нежный плеск волны,  
мой город!

Нам вместе плыть. Из-под кормы  
звездой полночной серебрится  
прекрасный ясный лик зимы,  
и вознеся к нему мольбы,  
душой коснемся мы  
страницы...

## Предновогоднее

Предновогодний бал уже  
предновогодний...  
звучит в моей душе  
да-да, сегодня!

И брызжут с елок огоньки  
гирляндой света,  
легки мороза мотыльки,  
как запах снега!

С открытки вьюги бал зимы  
ворвется в будни...  
Предновогодней кутерьмы  
еще прибует!

Парчою белой декабря  
закутан город,  
несет снегурочка-заря  
свечу на холод...



Хрусталь огня – уста  
зимы, и мудро,  
светясь морозом, красота  
вплывает в утро...

\* \* \*

А небо было цвета электрик,  
и город плыл под музыку Сен-Санса.  
Зима в моей душе слагала стансы,  
игрою звуков продлевая этот миг...

В огне смычков плескался Новый год,  
и запах хвои, звонкий и морозный,  
Две тысячи двенадцатого грезы  
незримо возносились в небосвод...

Пылало скрипки соло, и рука  
дрожала, жадно впитывая нежность...  
Творил январь безудержную снежность,  
сдувая строки вьюжные с листка.

Накинув на плечо тончайший плед,  
что соткан был из музыки Вивальди,  
ночь, к Рождеству скользя по звездной  
глади,  
несла в ладонях людям Веры свет...

## Зимний вечер

Время упало снежинкой в ладони  
в отсвете зыбких неоновых граней,  
мир новогодний искрится и тонет  
в белой минорной таинственной гамме...  
И, как со старой пластинки, живая  
льется струя позабытых мелодий,  
миг этот звуками вальса ваяя,  
и возвращая исконность природе...

Плотно ладони смыкая в полете,  
мы возносились над куполом храма,  
а под крылом моим плыли полотна  
старой Москвы, как знакомая гамма...  
Мы опускались все ниже и ниже...  
Как упоителен вальс снегопада,  
что опадает поземкой на крыши  
запорошенного стольного града!

Помнишь ли: тихим напевом творимый  
образ далекой встревоженной птицы,  
чье оперенье – минувшие зимы  
на белоснежье январской страницы...  
Помнишь: метели светились запястья,  
стыли бульвара холодные руки,  
стрункой звенело и таяло счастье...  
между двумя берегами разлуки...

Вечер в ладонь опустился снежинкой,  
город размыл в ней свои очертанья,  
и на прощанье слетела с пластинки  
звуков и строк одинокая стая...  
Помнишь: она унеслась в поднебесье  
искрами звездных мелодий метели.  
Став в нашей памяти зимнею песней...  
с робким предчувствием ноток капли...  
Помнишь ли, помнишь...

\* \* \*

Мороз крещенский, словно воробей,  
нахохлился, на ветке коченея.  
Январь замел пустынные аллеи  
поземкою постновогодних дней...

А солнце, отражаясь в куполах,  
стекает освященной водицей  
с небес на белый пруд, на храм, на лица  
и в лунке застывает на глазах...

Чтоб встрепенувшись хрупким серебром,  
воробышком очнуться на ладони,  
сверкнуть слезою радости в иконе  
и просиять распятием надо льдом...

## *Перед Рождеством*

Солнце припушил слегка мороз,  
опадая с веток змейкою-порошей  
И, как будто лепестками роз,  
луч зари осыпал кроны рощи...  
Трепетно звенящим серебром  
угасает снежности звучанье,  
погружая улицу и дом,  
в белую мелодию молчанья...  
Перед светлым Ликом Рождества,  
миру открывая сотворенье,  
солнце и мороз струят слова  
в не рожденное еще стихотворенье...

\* \* \*

Мое великое наследство –  
снежок, поднятый с мостовой,  
комочек радости из детства,  
веселый, пухлый и живой...  
Несет меня течение града...  
А с ним – да будет благодать  
в неспешном ходе снегопада  
эпоху прежнюю читать!

\* \* \*

Ах, зима, птица белая, нежная,  
серебром оперенья звеня,  
все завьюжила, забелоснежила,  
в лед свечи превратила меня...

Ах, зима, птица хрупкая, робкая,  
легким перышком ты пронеси  
вдаль – меня над кручиною топкою,  
над тревогой моей на Руси...

Ах, зима! Вьюги чересполосица...  
Закружило бедой, занесло...  
На ветру белоснежно полощется  
птицы зимней льняное крыло...



\* \* \*

Лиловой парчою закутался город,  
а я в час вечерний ловлю в тишине  
твой голос, протянутый мне через холод  
свечою в окне...

Туманятся звездной метелицей звуки,  
сквозь версты немого ночного пути,  
спасаясь от хищного зверя-разлуки,  
мне надо брести...

Смотрю – не дышу, замираю от боли  
распятой во мгле – по семи сторонам –  
души, чья щемящая песня юдоли  
доступна ветрам...

А вьюга все вьюжит, и птицей кружится,  
и с ней, одинокой волчицей-зимой,  
мне надо (она завывает) – сдружи-и-ться –  
в ночи ледяной...

\* \* \*

Подари мне божественность зимнего леса,  
там, где гулко, как дятлы, морозы звенят...  
Подари мне мелодию лунного плеска,  
опрокинь в нее свой серебрящийся взгляд...

Утопи меня в ней, снеговую девчонку,  
и в студеное утро заварку зари  
веткой ели плесни и – тайком, потихоньку –  
у себя же самой, мой февраль, укради...

Закружи меня в вихре метельного вальса,  
и когда вдруг проклюнется миг тишины,  
ты на плечи мне звездную стылость атласа,  
белоснежно накинь – с синим флером  
весны...

## Пора февральская

Февраль достанет ветер из-за пазухи  
и выпустит в людскую круговерть,  
и брызнут солнца зайчики, как запахи,  
на перекрестков глянцевою твердь.

И чем-то близким и родным – из детства  
пора февральская в капли прозвенит,  
коснется краем оттепели сердца,  
окрасит синью землю и зенит.

Повиснет долькаю арбузною над городом  
так аппетитно.... (Хоть снимай с небес!)  
Пора февральская – дитя тепла и холода –  
подарит нам свой белозубый блеск.

Девчонкой белобрысой, говорливой,  
с веснушками на солнечном лице  
пора февральская мелькнет, смеясь игриво,  
оставив корочку мороза на крыльце...

\* \* \*

Туман и сырость. Город сник.  
Расплылись фонари по лужам.  
Мой мир до слова «милый» сужен,  
как день, закованный в дневник.

Мы вырваны из пустоты,  
из будней и сомнений прошлых.  
Смотри – узорчатой порошей  
летят февральские цветы...

Над синих улочек шитьем,  
над Гвездославовым наместьем\*  
парим – две зимних птицы – вместе,  
как раньше, и сейчас – вдвоем...

---

\* Гвездославово наместие – одна из центральных площадей в Братиславе.



Весенних строк  
исток

\* \* \*

Развесит утро талый блеск сосуллек,  
светящийся ажурной бахромой,  
и тонкий луч в окошко мне просунет  
заветный ключ, подаренный весной.

Попробую им отомкнуть засовы  
в хоромы чародея-февраля...  
Пусть снегирем – с моей ладони – слово  
на волю вырвется, над городом паря.

Пусть из семян – проросших всходов  
солнца –  
проклюнется проталинками строк  
мир, явленный на дне зимы-колодца,  
и оживет весенних строф исток...

## *Февраль и март*

Звенит на тротуарах слякоть,  
и дни и ночи напролет  
февраль, прощаясь, слезы льет:  
как, уходя, ему не плакать?  
Но в утешенье – март с лихвой  
обледенит дыханьем лужи,  
затянет проруби потуже  
мороза синею тесьмой...

И вот – февраль уже не тужит,  
а гладит ледяной рукой  
проталин отсвет голубой,  
на солнце грезя русской стужей.  
Так, серебром зимы струясь,  
февраль и март, сливаясь звонко,  
вселенной – лепетом ребенка –  
свою ознаменуют связь...





\* \* \*

Рождался день из капелек дождя  
и отражал окно и дерево с оградой,  
даря всем, как мелодию, в награду  
ключи от мартовской светлицы бытия.

Подставь ладонь – и неба зачерпнешь,  
пролитого березовую синью,  
и день нахлынет солнечной теплыню  
на мир, где в каплях – свет разбрызгал  
дождь.

В них сжалась строчка: «Как я жду  
тебя!»...  
и небеса, где мы с тобой летали...,  
и март, вливающий стихи в уста  
проталин,  
от зимнего очнувшись забытья...

\* \* \*

Отзовется грустью колокольный  
над Ордынкой и Остоженкой седой  
звон – небесный, белокрылый, вольный, –  
снегом пахнущий, разлукой и весной...

Звон, в котором синий отзвук детства  
от Манежа до Садового кольца  
льется – по Никитской – прямо в сердце,  
чуть касаясь стрункой солнечной лица...

И опять потянет в поднебесье  
над Москвой подняться, как тогда,  
тихий звон – сияньем светлой песни –  
с хрупкой ноткой мартовского льда...

\* \* \*

Капелью прошьются проталины дня,  
слова разлетятся дробинками света,  
и в теплых ладонях вихрастого ветра  
очнутся от зимних тенет забытья...

По улице март, проходя, через край  
веснушек плеснет на окошки и лица,  
в хмельном упоении ранние птицы  
склюют, словно солнце, весны каравай...

Мне всюду мерещится звонкий отлив  
родного лучисто-ручьевого взгляда...  
И в сердце шевелится горечь и радость  
владимиристо-суздальской древней земли...

\* \* \*

И вот уже весенним перебором  
по-соловьиному ручьи звучат – внахлест.  
Подтаял снег. И солнце за забором,  
зажмурилось, как наш соседский пес.  
Март-колобродник вдруг по-стариковски  
вздыхнул, и охнув, с печки молодцом  
возьми и прыгни... Быстрый, юркий,  
ловкий,  
звеня бубенчиком сосуллек за крыльцом,  
раскинул по двору лучами света сети...  
Что здесь до речки? Шаг один шагни!  
А там смотри – припав щекой к планете,  
Русь пьет простор небес... из полыньи...

## *Ветренное солнце*

Ветренное солнце посмотрело хмуро –  
как со дна колодца, вяло и понуро  
выбралось, лучами опершись о сруб...  
Не было б печали да холодных губ!  
Ветренное солнце, бледный небосвод,  
стонет, стынет, льется сумрак талых вод...  
Ветренное солнце, я тебя найду  
хоть на дне колодца, в проруби, во льду...  
Отогрею, солнце, не смотри уныло –  
слышишь, сердце бьется? Значит,  
не застыло!

## *В электричке*

А электричка по привычке  
стучит, стучит.... и день внахлест,  
сжигая километры спичкой  
от бересты шальных берез,  
струной гитарной рвет предсердье,  
пока за мартовским окном  
не станет обретеньем тверди  
мелькнувший в отдалении дом,

где тихо скрипнут половицы,  
и солнце проскользнет с крыльца  
котенком рыжим на страницы,  
касаясь мордочкой – лица,  
где сантиметрами уюта  
пронизан каждый Божий час,  
где печка – бабушка как будто,  
согреет в непогоду нас,

где запах старости и детства  
румяной корочкой зари  
с Николой мудрым – по соседству –  
как хлебный дух добра, парит  
над нашей жизнью быстротечной,  
в которой март под стук колес  
сжигает берестю млечной  
за годом год – на струнах верст...

## *Тополиная весточка*

На душе и горечь и отрада,  
и пока Россия далека,  
для меня – одна всего награда –  
замирать от каждого леска.

Белой стаей – вижу – над заречьем  
пролетела Анна... и крылом  
мне махнула, говоря о вечном  
и великом – русским языком.

Искрами неистойвой сирени  
май поджег деревни и сады,  
и везде, на поле, засинели  
ливня босоногие следы.

Ну а поезд... поезд дальше мчится,  
и откуда-то – с концов родной земли  
облака в тетрадную страницу...  
тополиной весточкой легли.



\* \* \*

Вербное, тихое, чистое  
с именем блага и Бога  
пью Воскресенье лучистое  
у векового порога...

Пью тишину безответную,  
сердце трепещет строкою -  
доброе, теплое, светлое,  
русское слово святое...

\* \* \*

Последний снег сойдет на нет,  
забрезжит марта силуэт...  
И легким перышком огня  
блеснет весна в оконной раме,  
рождая бусинками пламя  
на снежной пелене дождя...  
Жизнь остановит свой разбег,  
пока... как пульс... трепещет снег.

\* \* \*

Накуролесила нынче погода,  
стынут под панцирем белым леса...  
Оттепель снова морозу в угоду  
змеем воздушным взвилась в небеса...

Вот бы за нити успеть ухватиться  
теплого ветра из южных широт  
и синекрылою мартовской птицей  
взмыть над покровом зимы в небосвод...

Солнцем промыть льдисто-звонкие перья  
и в клюве день, словно песню, тая,  
мир огласить приближеньем апреля  
в красочной гамме палитры ручья!

## *В Альпах*

Зацепившись за вершину склона,  
солнце влажным мартом растеклось  
по пронзительной лазури небосклона,  
превращаясь в талое стекло.  
Наст звенит тугой струною света,  
отражая в снежной крутизне  
день, летящий в бездну, и планету,  
позвоночником прижатую к лыжне.

Время – ветер. Стружкой солнце хлещет.  
Обжигая, бьет в лицо крутая высь.  
Это горы нам легли на плечи  
ледяной подковой синевы.  
Как весной в Альпах пахнет небо,  
вспыхивая отблеском вершин?  
Серебристым белокрыльем снега,  
с родниками мартовской души...

## *По талому бескровью*

Пустынность марта. Ранняя звезда –  
сверкающий, как оттепель, кораблик.  
Проталина тетрадного листа.  
Луны скользит в окно живая капля.  
Ладонь подставлю – серебристый блеск  
на линию судьбы моей прольется  
с почти уже оттаявших небес  
и тихо звякнет о ведро в колодце...

Ты помнишь – затканый луною снег,  
расшитый черным жемчугом Тироля\*,  
дрожание звезды у самых век  
под снежностью мохнато-хвойной кровли,  
где склон вливался в отсвет лыжных струн  
и падал под откос строкой мгновенной,  
где знаками непостижимых рун

---

\* Тироль (Tyrol, Tirol) – историческая область в австрийских Альпах.

светились Альпы гордо во вселенной...  
Где до сих пор (ты помнишь?) та звезда  
качается на белых лапах ели,  
звеня тихонько колокольцем льда,  
подвешенным на ниточке капли...

Корабликом, как ранняя звезда,  
плыву в Словакию по талому бескровью,  
чтоб оттепель вдохнуть в твои уста  
с горчинкою небес... из Подмосковья...

## *С сорока сороков*

Снега серая шкурка с проталин сошла...  
В небесах замаячил просвет, и наверное,  
с сорока сороков возвестят купола  
звонниц светлую весть о весне  
во вселенной...

С сорока сороков... Стародавних времен  
в переулках московских затеряно время...  
И, светясь на Ордынке в проемах окон,  
март, продрогнув, заходит погреться  
в кофейни.

С сорока сороков – гулким отзвуком звон,  
донесется, как эхо, до самых окраин,  
где машинным сигналам звуча в унисон,  
вместе с мартом взовьется в грачиные  
стаи.

Колокольный, как небом,  
просвеченный гул  
ниспадет с высоты и с ручьями умчится.  
Я бреду по Москве и в душе берегу  
отсвет белых церквей в синем взгляде  
столицы...



## *Осенний силуэт весны*

Лепился город струями дождя,  
лепился зримо... Словно скульптор,  
время  
ваяло мимолетность бытия,  
быстротекущий мир весны приемля...

По улице касательно к дождю,  
потоками размытой в бездорожье,  
ступал апрель, верша судьбу мою  
как миг, который был еще не прожит.

Припало небо оком к мостовой,  
из окон светом вылившись наружу,  
проталине простуженно-живой,  
доверив зябкую – в просветах синих –  
душу.

Осенний силуэт моей весны,  
апрельскою сюитою просвечен,  
стекающий глотком голубизны  
со стекол в города неоновые свечи...



За волосок  
от расставания

\* \* \*

Как пройти эту грань между тем, что уже  
отболело,  
и судьбой, за которой плывет парходик  
ЗИМЫ  
между двух берегов – желто-красным  
и призрачно-белым,  
где когда-то скитались в своем  
одиночестве мы...

Как пройти эту грань сквозь полынную  
горечь разлуки,  
зная сердцем, что снова тюльпанами  
вспыхнут в степи  
бесприютной весны синекрыло парящие  
звуки  
с нотной записью лишь – одного только  
слова – «Люби!»

## Одиночество

В стуже... замерзшие всходы земли  
глубже... под снежный покров залегли...  
росчерк... мороза на влажном стекле,  
роща... зигзагом штриха вдалеке...  
верба....застыла над веной ручья,  
вера.... достанется вьюге моя...  
кану... в ночи одинокой струной,  
стану... бессонною птицей-зимой  
болью... над лунной тропею кружить,  
в поле... покои снегов сторожить,  
зовом... безгласной глухой ворожбы,  
звоном... морозной по сердцу резьбы...

Памятью... зимнего леса сквозного,  
завязью... пламени в искорке слова  
буду в огне... одинокой свечи  
тенью в окне... говорить: «Не молчи!»  
Вспыхну внезапно ... на лезвии ветра,  
весточкой в завтра... засветится вера...

А на исходе.... разлуки моей  
канет в природе... печаль этих дней,  
капелькой солнца..., талостью строк  
в сердце очнется... слова исток,  
из кулачка... трепетной почки  
силой ростка... вырвутся строчки!

## *Не уходи!*

Не уходи! Слышишь?  
Не пропадай только!  
Солнце сорвется камнем  
и обожжет лес....  
Я поднимусь выше –  
облаком, лунной долькой  
стану, цепляясь руками  
за безнадежность небес...

Памятью, ветром, полем,  
лункой в пруду даже...  
веткой, свечой, дрожью,  
стылой поземкой лет...  
Бредом, тоской, болью  
стану... жарой, жаждой,  
моря соленой кожей,  
строчкой... тебе ... вслед...

## *По дороге в Братиславу*

Горы снега раскидала судьба,  
и блестит одиноко путь...  
Мчится поезд, как всегда, все туда...  
Вьется змейкою метель-грусть.  
Мчится поезд двум сердцам в такт,  
и под ритм лихих строк  
на холодную синь листа  
стужа вдруг обронила перо.

Ты моей маетой стал  
на излучине седых рек.  
Горячей, чем зимы сталь,  
на ладони упал снег.  
Замело, занесло стынь  
двух летящих в январь дорог...  
Только верой одной ты  
победить расстояние смог.



Смог овеять теплом лицо  
сквозь морозов шальных шаль,  
смог в разлук ледяное кольцо  
горизонта продеть даль...  
Где течет от тоски бел  
Ваг\* в объятии снежных чар,  
я поймаю луны мел –  
как словацких небес дар.

Запишу блеску лун в унисон  
двух имен золотой звук,  
двух созвездий один сон,  
зим и весен один струг.  
Льда и пламени миг-вздых,  
в беге времени строк прыть...  
Тьму и свет ведь создал Бог,  
чтобы нам над землей взмыть!

---

\* Ваг – река в Словакии

## Костер зимы

Костер зимы горит во мгле безбрежной  
космических просторов января.  
Заносит город синью белоснежной,  
огни дыханьем вьюги серебра.  
Я – здесь и там... Раздвоено пространство  
на две разлуки и на две зимы.  
Душою, безутешною от странствий,  
летим друг к другу белым снегом мы...  
А искры горячее и летучей,  
и зноем веет снежность от крыла...  
Костер зимы горит на звездной круче,  
сжигая расстояния дотла.  
Костер зимы ко мне, к тебе все ближе –  
через сцепленье призрачных широт  
ты чувствуешь, как пламя руки лижет  
и засыпает пеплом небосвод?  
Морозной выси ярко дышит топка,  
сгорели две разлуки, две зимы...  
Над костровищем жаркой стужи только  
не гаснет снег... И с ним – не гаснем мы...

\* \* \*

Борясь с порывом декабря седого  
сквозь расстояний призрачную глушь –  
свечой тебе протягиваю слово  
в пургою занавешенную мглу.

Я звуками хочу, как угольками.  
из пламени разлитых в сердце строк  
согреть тебя, чтоб встрепенулась память  
о вольном ветре мартовских дорог...

Как бесконечно в зимней канители  
пространство, опоясанное льдом,  
с зародышем предчувствия капли,  
с уснувшим близ проталины ручьем...

Дыханием зимы мне не согреться,  
вкусив рябины рдеющую гроздь.  
Зима, как колышек, вогнала в сердце  
разлуки нашей стынущую ось...

## Заклинание

Я тебя заклинаю сквозь мглу,  
сквозь пространство зимы... отозваться....  
Зажимаю в замерзших пальцах  
прядь огня на горячем лбу.  
Обожжешь меня маревом ржи,  
зазовешь голубым окоемом,  
духом хлебным родимого дома,  
где сомкнулись судьбы рубежи....

Помню треск и кряхтенье в глуши  
доброй бабушки – старой буржуйки...  
В кубках – пламени жаркие струйки,  
снег по стеклам, кругом – ни души...  
Ах, вернуть бы тот вечер... В тиши  
оплывала свеча – и огарок  
я держала в руке, как подарок,  
заклиная, шептала: «Дыши!»

## *Верни меня из декабря*

Верни меня из декабря  
в степную вольницу раздолья,  
где, словно в небесах паря,  
синеет васильками поле,  
где дали памяти видней  
и лики лет и лета зримей,  
где осень клином журавлей  
уже вонзается в предзимье,

где земляничный запах грез  
и строк озерное затишье  
с предвосхищеньем ранних гроз  
хранит в себе четверостишье,  
где нет привычной суеты,  
а все, дарованное Богом,  
душою постигаешь ты,  
как солнце, воздух и дорогу.

где духом четырех стихий  
так явственно и первородно  
палитра дышит, и стихи  
вливаются в родник природы,  
где взгляд твой – тень от облаков,  
а поцелуй – касанье ветра,  
туманность рос – свечение слов,  
мгновенье – легкий росчерк света...

Верни меня из декабря,  
чтоб в марте, на холсте проталин  
строкой ручья лучи творя,  
раздвинуть ледяные ставни  
и выдохнуть легко: «Лети!»  
Пусть сократится расстоянье  
от сердца к сердцу... на пути  
от встреч... до мига расставанья...

\* \* \*

Блеск и вспышка света... Зеркала  
расплескали образы и звуки...  
Я к тебе тропую звездной шла,  
уходя от бренности разлуки...

Загоралась ранняя звезда  
на морозной выси поднебесья,  
обжигая ранкой в лунке льда,  
строчкою из недопетой песни...

Бился жилкою горячей между строк  
свет ее – живая боль безгласья –  
на скрещеньи судеб и дорог  
в ожиданьи теплых зерен счастья...

Это тайный огонек твоей души  
светит мне в безлюдье зимней ночи...  
«Ты не гасни, – я шепчу, – Дыши  
ритмом... как предсердье этих строчек!»

\* \* \*

Память сердца и память пера...  
Белоснежье печально струится  
и, не тая, морозом с утра  
оседает на ликах страницы...

Я читаю... дыхание их...  
между строк... По-рождественски чисто,  
оперяясь, рождается стих,  
в свечке тонет вечерняя мглистость...

Пляшет тенью узор на стекле...  
На ладонь время капает воском...  
Месяц вымостил саблей след,  
озарив блеском звездное войско...

Так и будет снежить до утра...  
Без тебя ... ночь под белою данью....  
Память сердца и память пера –  
два ключа от зимы мироздания...



\* \* \*

Светоносные капли нанижет февраль  
на звенящие солнечно-синие нити,  
по дворам разбежится лучей детвора,  
проворкует капель: «Не молчи!

Не молчите!»

Ну а я соберусь, как обычно, с утра  
и пойду сквозь заснеженность улиц  
и парка.  
И морозных берез – под ладонью – кора  
полоснет, как ожог, сердце памятью  
жаркой...

День такой же был, помнишь? Ютился  
февраль  
на подтаявшей скользкой полоске  
асфальта.  
Серебристым отливом сверкала эмаль  
под веселую кисточкой юного марта...

Мы не шли, а летели... Скользя по стволам,  
белокрыло мелодия тающих льдинок  
опадала с небес... Помнишь это – как нам  
парк казался пристанищем всех  
валентинок...

Золотился закат в каплях мокрого льда,  
и ломалась лыжня – пополам – с хрустом  
ветки...

Дотлевала свечой, пригорая, звезда  
на оставленном кем-то окурке в беседке...

\* \* \*

Снова пишет апрель расставанья холсты,  
и небесную гжель расплескала весна.  
На душе – одиночества талая стынь...  
Где-то ты, замерзая, стоишь у окна...

Ходит дождь, как бродяга, по улицам снов  
отголосками долгой, как вечность, зимы...  
Там, где мерзнут созвучья растаявших слов,  
в безнадежной разлуке измаялись мы...

Ах, как хочется взять в руки кисть из лучей  
и закрасить распутицы черную глушь,  
написав только слово одно: «Отогрей!»  
на полотнах весны... во спасение душ...

\* \* \*

А хочешь – растоплю сугроб  
одним лишь только синим взглядом,  
и солнцем – поцелую в лоб,  
и сяду за компьютер рядом?  
Прикосновеньем тишины  
на старой высвечусь тетрадке,  
лучом проникну в наши сны  
и в сердце постучусь украдкой...

Ты скажешь: «Все наоборот!»  
Снежинкой упаду в ладони,  
и рыжий, как веснушки, кот,  
усядется на подоконник.  
Остынет кофе... Но пока...  
мгновенье продлевая... будет  
звенеть мелодией стиха  
в нас хмель – твоих весна – прелюдий!

\* \* \*

Просто все: за окном моим плещет зима,  
у весны нынче зреет отсрочка...

Я стихов не пишу – на душе кутерьма,  
и сосулькой – февральская строчка  
тает в ломком луче (без следа!), как  
капель,

а слова, словно снег, прошлогодний...  
Я стихов не пишу... Удивляюсь: уже ль  
эти строки слагаю сегодня?

Ты молчишь, как осколок янтарного льда,  
затаив хмарь седой непогоды.

Я стихов не пишу, но в строку иногда  
вихрем снежным врываются годы...

И синицей на ветке трепещет звезда  
и звенит о стекло – прежней болью...

Я стихов не пишу... Может быть, ото льда  
март меня отогреет ... любовью?

\* \* \*

Я болею тобой и твоими стихами,  
только в них обретаю и море и сушу,  
только им доверяю распятую душу,  
только в них, как родник, берегу свою  
память...

Я болею тобой – мне поставлен диагноз:  
надо жить между строк и в строке  
научиться,  
научиться брести по пустыне страницы....  
Может, в ней я навеки – арыком –  
останусь?

Наклонись, пригуби синий жар  
небосвода...  
Излечить мою хворь тебе можно губами!  
Я вкушу их хмельное соленое пламя...  
Я болею тобою, как – мартом – природа....

## *Перелетная птица*

Скоро май зеленый парус лета  
на серебряных натянет тополях,  
разомлеет, солнышком согрета,  
в огородах сонная земля.

И росток потянется, листочка  
разжимая клейкий кулачок.  
Вздрыгнет сад. Как день, родится строчка,  
дождь ладонью смочит пыль дорог.

Я к тебе отправлюсь с южным ветром  
над туманом синих островов.  
Перелетной птицей вслед за летом  
поплыву на твой далекий зов...

## *Поверить дай мне*

Поверить дай мне, что тебе нужна,  
как ощущение снега, ветра, солнца,  
когда глотком живительным весна  
в уста и строки необъятно льется...

Когда, срываясь птицей с высоты,  
трепещет луч в руке – горячий, ломкий,  
когда небесные не высохли холсты,  
начертанные кисточкой ребенка...

Поверить дай мне, что тебе нужна,  
и стать твоим дыханием – как воздух,  
и день прожив, дай, милый, осознать,  
что я могу зажечь глазами звезды...

И стать в пустыне – клеточкой воды,  
и каплею огня – в январской стуже.  
В строке моей – пульс и твоей судьбы.  
Поверь же в то, что ты, как свет, мне нужен!



## *Доживем до весны*

Доживем до весны...  
Немотою сердца обесточив,  
по-сиротски согреет  
в ладошке ледышку февраль  
и в капели растает,  
засеяв зерном многоточий  
снега талый дневник,  
разлинованный мартом с утра...

Доживем до весны...  
И глотками по телу внезапно  
разольется небес  
молодая звенящая синь.  
Просияет апрель  
и наполнит, как проблеском – залпом  
белокрылый размах  
над землей облаков-парусин.

Доживем до весны...

Отдадимся, как птицы, простору  
перелетных пространств,  
серебрящихся талостью рек,  
возвращаясь к гнездовьям  
и к слову истоку простому,  
обретая в его глубине  
русской речи живой обрег.

Доживем до весны...

Запах снега, как запах полыни,  
ощущая в гортани  
горчащих разлукою строк.  
Доживем... и весной  
я наполню любимое имя,  
кистью солнца твой взгляд  
записав на апрельский листок...

## *Три мгновения*

Братислава провожала меня дождиком  
долгожданным дождиком... Земля  
выпросила напоследок Боженьку  
утолить иссохшие поля.

Ну а я, не веря в даль разлучную,  
на ночном перроне, как во сне,  
бормотанье губ дождя беззвучное  
бездыханно слушала в тоске.

Поезд подошел, и онемелая,  
стоя в трех мгновеньях от тебя,  
так продлить минуты те хотела я,  
разливая занавес дождя.

Проводник поторопил. Ведь расставания,  
как и встречи, для него – привычный круг...  
Если б только можно расстояния  
сократить прикосновеньем рук!

Братислава провожала меня дождиком  
долгожданным дождиком... А я  
все молила, все молила Боженьку  
выкрасть три мгновенья для меня...



И будь ты – в Братиславе иль в Париже –  
нас ни один перрон не разлучит!

Дороги странствий... Песен не отпели  
ветра под звон шальных российских верст.  
Мне скоро в путь. Ты жди в конце апреля.  
Послушай: в сердце... слышишь...  
стук колес?



Мгновения  
невысохшие  
краски

## *На кончике пера*

На кончике пера трепещет мирозданье,  
на кончике пера струны мерцает звук,  
и с кончика пера срываются признанья,  
и ожиданье встреч и маета разлук.

На кончике пера то оттепель, то стылость,  
то чуткий свет икон в дыхании свечи,  
то нежное «Прости» и тихое «Простила»,  
то жар бессонных строк и бред огня в ночи.

На кончике пера витийствует прозренье,  
и сколько б Бог не дал... Пророчество руки  
на кончике пера дарует исцеленье  
и слову – бытие – из залежей строки...



## *Между землей и небом*

Между землей и небом, между водой  
и сушей,  
есть материк, который – твердь для моей  
строки.

Ведь не единым хлебом жив человек...  
Послушай,  
как говорят с валторной скрипок  
шальных смычки...

Между землей и небом – там, где  
в ладонях утра  
краски и звуки... тихо... в сердце берут  
исток,  
мир, сотворенный светом, в слове  
откроется мудро,  
и перед Образом вспыхнет... отблеск  
горячих строк...

## Ассоциации

Свеченье... звездной корочки луча...  
Вкус хлеба. Сдоба снега горяча.  
Вкус неги.

Движенье... улиц и кружение птиц...  
Вкус ветра. Трепет вербы. Стылость лиц...  
Вкус века.

Течение... в утро тайнописи строк...  
Вкус цвета. Миг затишья. Дня исток.  
Вкус неба.

Скольжение... облака и Лица по реке...  
Вкус света. Блики. Солнце на песке...  
Вкус лета.

Уст притяжение..., музыкой – строка...  
Вкус отраженья. Магия зрачка.  
Вкус жженья.

Оцепененье... вьюги млечный путь...  
Вкус студня. Стужа, жар печи, уют...  
Вкус будней.

Свет очищенья... веры естество...  
Вкус крова. Снова Рождество.  
Вкус слова.

## *Строкою подан знак*

*Все будущее прежде было,  
и будет быть, что я была...*

Б. Ахмадулина

Бывает так: строкою подан знак,  
и открывается за ним пространство речи,  
Чью суть дано со временем познать  
судьбою нашей с каждой новой встречей.  
И пристальнее вглядываясь вглубь,  
в бездонье тишины и снегопада,  
вдруг чувствуешь под сердцем, как иглу,  
всё мирозданье слова, ритма, взгляда...  
Окажется: поэзии стезя,  
была уже строкой в моем предзимье,  
вписав из будущего – в Книгу Бытия  
созвучное – ее двум строчкам – имя.

## *Затеплится миг...*

Затеплится миг как предчувствие счастья,  
в который проникло познание Бога,  
и сутью ростка пробуждение слога  
со всем на земле обретает согласие.  
С рекою, где в заводи сонною рыбкой  
полуденность дня мирозданию внимает,  
с травой под ногами, с высокостью мая,  
разлитой в природе печальной улыбкой...  
С осколком живого и теплого эха,  
который с собой унесу я из рощи...  
И облака чей-то загадочный росчерк  
вольется в строку – ощущением неба...

## С высоты

Давай слетаем в изумрудные края  
в обнимку с ветром, солнцем и дождем.  
Мы будем там, как исстари, вдвоем,  
лишь лоскуток повиснет в небесах –  
земля...

Мы уместим ее в ладони... С высоты  
крылом коснемся гор и океана  
соленое пространство... Первозданно  
мы пролетим над ним, как птицы – я и ты.  
И дух саванн, и прерий, и пустынь,  
блеск волн и откровение прибоя  
мы не во сне, а наяву – с собою  
подхватим с необъятной высоты...

## *Цеди этот миг по песчинкам*

Ни секунды не медли.  
Цеди этот миг по песчинкам,  
подставляя ладони  
под ветренность юрмальских дюн,  
где ложится на плечи  
Балтийского моря косынка,  
где сквозь сосны  
дурманя струится сияние лун...

Я накатом волны –  
из блеска и брызг перламутра,  
из кусочков раздробленных  
плесками моря  
веков,  
соберу для тебя  
в звуках тихой мелодии утро,  
и дрожания век  
чуть коснется дыхание строф...

Ни секунды не медли.  
Как свет, уходя в бесконечность,  
этот миг просияет  
и в бризе расплещется звук,  
где на старенькой яхте  
качнется усталая вечность,  
прикорнув на корме  
под созвездьем –  
Сокрестия рук...



\* \* \*

В изголовье Нестинарки  
положу прибор –  
шелест строчек (без помарки),  
данных мне судьбой.  
Здесь луна кочует в волнах –  
в бриге на двоих...  
Дремлет в водах полусонных  
нерожденный стих –  
тих, воздушно безмятежен...  
Зыбкая волна  
утро, как бумагу, режет,  
трепета полна,  
теплым языком приборя  
лижет пляжа бок...  
А на бриге – мы с тобою.  
Звезды.  
Август.  
Бог...

\* \* \*

Мы оба помним: лунной ночи хмель,  
тумана парус... дикий клевер в росах...  
Колдуя, в изголовие... меж сосен  
стелил нам август звездную метель...

Дурманя элем, в предрассветной мгле  
дрожало эхо счастья... океана  
плескалась нега... мудро, первозданно...  
вселенная плыла на корабле...

Ах, если б в странствиях своих летучих  
могла бы я крылом раздвинуть тучи  
и на чужбину залететь – в твои края...

И теплым бризом проскользнув на сушу,  
тебя коснуться и шепнуть: «Послушай,  
той ночи дуновенье – это я...»

\* \* \*

Давай сегодня просто помолчим,  
давай про быт и суету забудем...  
На водной глади бытия Гольфстрим  
смывает алыми устами хмель прелюдий...

Закат устало красит небосвод  
осенним увядающим багрянцем...  
В смешеньи красок на палитре вод  
меня, художник мой, закружишь в танце.

В зеркальной плоскости разлитые слова  
подхватятся течением Гольфстрима...  
Мы помолчим... твоя печаль едва  
меня коснется кистью так незримо.

Останемся у вечности в плену...  
Мгновения невысохшие краски  
молчанием вольются в тишину  
волны – напоминанием о ласке...

## Пустыня

Бездыханное солнце... Безмолвье...

Пустыня,  
белым полднем вливаясь в земной окоем,  
на барханах хранимое вечностью имя  
записала, как ключ, для разгадки времен.  
В нем божественный код... и исток  
мирозданья,  
прах, затишье и бури минувших веков,  
плод запретный с библейского древа  
познания,  
и слияние смыслов молитвенных слов...

По песчинкам цедимое время очнется,  
пробуждаясь в арыке холодной струей,  
и вонзится в нее ослепительность солнца,  
растворяя густой, словно патока, зной.

Воспаленно-лиловое веко пустыни  
по-верблюжьки прикроет устало заход...  
Зной, как птица, взлетит и в туманности  
згинет,  
спелой долькой луна озарит небосвод.

\* \* \*

А в самом деле: как растет трава,  
в беспамятстве, в бреде рассветной рани,  
когда звезды игла касается едва  
упрямство стебля, утра трепет рая...

Как – этот вздох на коже росою,  
прохладой замирая от истомы,  
вдруг обретает отсвет бирюзы  
и повисает бликом невесомым?

Светила в бездне времени звучат,  
и им трава со дня творенья внемлет...  
И, прорастая, мирозданья детский взгляд,  
ростками звезд усеивает землю...

\* \* \*

Увидеть и услышать тишину,  
творимую из облачка сирени,  
из бликов, многозвучий, отражений,  
лучами солнца спрятанных в волну.

В них светотенью вышиты слова,  
и голоса в листве разлиты щедро,  
ладонями мальчишеского ветра  
коснувшимися тихих вод едва...

Увидеть тишины незримый след  
в чреде метаморфоз и воплощений  
и ощутить мгновенье, как прощенье,  
как вспыхнувший в зерне и слове свет...

\* \* \*

Венчаю осень, веря и любя,  
(строка природы в небесах нетленна!)  
с мгновеньем летнего непрожитого дня,  
еще не сотворенного вселенной...

И в этом поединке двух миров –  
осеннего и летнего – соцветье,  
почти сухое, семенами строф  
вдруг раздробилось, чтоб врати  
в столетье...

Вот, чудо мироздания – росток,  
рожденный в муках творческого тигля  
природы, чтоб смысл данных ею строк  
в себе мы, словно истину, постигли!



\* \* \*

Я вышью радугой «люблю»,  
волью созвучья в семицветье,  
и в честь тебя в строку свою  
вплету ромашки, солнце, ветер...  
И в честь тебя и вопреки  
всем бедам, горестям, ненастью  
на небе – острием строки –  
я начертаю слово «счастье»...

\* \* \*

Вечер веки смежил, и во влаге зрачка  
отражается нега мгновенья...  
Опрокинулись в море с небес облака  
и холмов золотых отраженье.  
Горьковатый миндаль. Винограда лоза.  
Плен ресниц. Луч заката со склона...  
И дрожит переливами нежность в глазах,  
как пыльца на крылах махаона.

Кубик льда, замирающий зовом свечи...  
Тень, скользящая привкусом Кьянти...  
И молчанье мелодией тела звучит,  
прячась в бриз, словно в шелковость  
мантий...

Тонкий запах сводящих с ума сигарет...  
Дрожь и трепет разлитой истомы...  
Вечер веки смежил... Не дописан сонет...  
Притяжения миг. Невесомость...

\* \* \*

На наречии древнем и юном  
море дарит таинственный сказ  
небесам, и теряется в дюнах  
ветер, чайкой слетевший со скал.

Утро цедит песчинки столетий,  
а седой нестинарский\* прибой  
вьет из брызг изумрудные сети,  
увлекая волной за собой...

И дробится пространство полета,  
и стекает под парусы высь  
там, где солнечных пляжей полотна  
пишет августа быстрая кисть...

25.08.2011

г. Царево

---

\* Нестинарская бухта тянется длинной песчаной полосой вблизи г. Царево на юге Болгарии.

\* \* \*

На ладье, украшенной по-царски,  
с сотнею другой – лучей-гребцов,  
вышло солнце в бухте Нестинарской  
на морской – неведомой нам – зов...  
Вышло солнце, парус водрузило  
из полотниц алых облаков  
и до горизонта заскользило,  
по атласной глади вещих снов...  
И поплыло, вдаль себе поплыло,  
на ладье вдоль сонных берегов  
солнышко, славянский бог Ярило,  
сетью золотой влача улов...

\* \* \*

Читаю стихию на свитке песка:  
признанья приливов, и млечность  
спадает, светясь, со скулы маяка  
в разлитую по морю вечность,  
где пишет бессменно свои письма  
ловящая звезды морская волна.

Читаю стихию: крупницы веков,  
на дюны намытые кем-то...  
Течет между пальцев мой звездный улов:  
четыре земных элемента.  
Как воздух, струится вода, и огонь  
песчинками лет оседает в ладонь...

## *Семь сонетов о созвучности*

### 1.

Созвучен город мудрости времен,  
как вечности созвучно изваянье,  
как амфоре – бокалов гулкий звон,  
как колоннаде – мига расставанье.

Развалинам созвучны тайники,  
пустыне – иноходь верблюда,  
созвучны солнцу лед и родники,  
а жажде – ручейка живого чудо.

Созвучен капле струнный гул дождя,  
кувшинке – теплый вечер лета,  
мгновению – все краски бытия,

ночи – свеча, а тишина – поэту...  
Строке созвучно угасанье дня,  
молчанью – послевкусие ответа...

2.

Созвучны побережье и волна,  
дыханье теплых скал и мелководе,  
созвучна солнца синяя блесна  
блаженному сотворчеству в природе.

Созвучен август трассе на Бургас,  
и рейс наш расписанию маршрутки,  
а серый всплеск твоих лучистых глаз  
созвучен так сегодня каждой шутке!

И хочется простор зарифмовать  
с движеньем поездов и самолетов,  
с грядюю гор – морских созвучий гладь,

с песчаной отмелью – небесный купол  
свода...

В стихе твоём – крылатой рифмой стать,  
вобравшей притяжение полета...

3.

Созвучно мне твоей строки крыло,  
его касанье бликом лунной дрожи.  
(Так лодка в утреннюю гладь стремится  
весло,  
скользя по перламутровой озерной  
коже...)

Когда застенчивою влагой дремлет рань,  
касясь чуть заметным переливом,  
когда, как свет, на кончике пера  
виньеткой вьется мотылек мотива.

Когда в слияньи образов и слов  
весь мир вокруг – один лишь атом мысли,  
рождается из боли, яви, снов...

под сердцем где-то – ощущение выси,  
и ширь небес на лезвии ветров  
планетою Земля над строчкой виснет.



4.

Созвучен пальцам трепетный смычок,  
а тишине – беспамятство органа,  
когда по храму гулких нот поток  
струится водопадом неустанно.

Созвучен улочке шальной полет пера,  
и нотным записям – грачиный клекот  
марта,  
радушию – созвучен мир двора,  
созвучен небесам – отлив асфальта.

Брусчатке старой – перестук подков,  
записанный историей на камне,  
созвучен Лику шелест тихих слов,

в молитве воплотившийся веками...  
Волне аккордов и наплыву строф  
созвучен Дух, стиху – созвучно пламя!

5.

Созвучий первозданных естество,  
промытая ручьем гортань проталин,  
слиянье колоколен над Москвой  
с серебряным звучанием окраин.

Густеет глаз апрельских синева,  
веснушки загораются на лицах,  
и солнца аппетитный каравай  
клюют в первопрестольной звонко  
птицы...

В сосульках зреет хлебный аромат,  
и снег созвучен корочке арбуза,  
расшитый звуками звенит её наряд:

«красою лепа» и «бровьми союза»  
спускается в старинный юный град,  
лебедкой белою – с небес весенних –  
муза!

6.

Созвучен дням осенним аромат  
бледно-лиловой снежной хризантемы,  
созвучен звездной выси – листопад,  
лесам воздушным – оголенность сцены.

Судьбе созвучен журавлиный клин,  
разлуке – перелетное пространство,  
душе моей созвучна даль седин  
и сокровенный смысл постоянства,

когда чреде прощаний вопреки  
она, утраты преодолевая,  
твоим прикосновениям руки

была созвучна – с сентября до мая...  
Не исчезай! Почувствуй, как строки  
моей созвучна соль губам... Земная...

7.

Созвучно параллельности миров  
зеркал неумолимых отраженье,  
созвучна блику – сущность тайных слов,  
туманности – мерцание виденья,

когда во мгле вселенной сквозь кристалл  
магического имени поэта  
сверкает в глубине седых зеркал  
пророчество, как зримый выплеск света,

то замолкает даже муза... Хоть  
Всевышний бы продлил земные сроки,  
чтоб, звуки, наполняя дух и плоть

стиха, в душе моей бы обрели истоки...  
Творя бессмертным Логосом, Господь,  
вдохни любовь – в своих созданий –  
строки!

## *Явятся звуки в утро*

*Но для меня стихи – самосожжение...*  
Дина Терещенко

В колкий звенящий сумрак  
от сотворенья света  
данные миру Богом  
сквозь маету эпох  
явятся звуки в утро –  
и на пере поэта  
вдрогнут и станут слогом –  
раннего мига вздох...

И первозданно, словно  
первых влюбленных поступь  
в манговой чаще сада,  
где был утерян Эдем,  
вдруг просияет Слово,  
будто живая россыпь,  
нежно, кристально, сладко –  
дар, не подвластный всем...

Тенью былых бессонниц,  
жаркою глубиью ночи,  
белой чадрой пустыни  
вспыхнет его родство  
с черною буркой конниц,  
с горькою тьмой пророчеств,  
с тем, что дарует, как имя –  
явленному – Божество...

С тем, что, как меч дамоклов  
над воспаленной строчкой,  
с тем, что несется в бездну  
или взлетает ввысь...  
Слово от стужи продрогло,  
Слово не знает отсрочки  
и, словно оттиск в железу,  
в строфы вплавляет мысль...

И обжигает, и студит...  
а с поднебесья созвездия  
сполохом алого света  
жадно стекают в строку...

и сотворением будет –  
Стих – как крупица Поэзии,  
брошенная Поэтом –  
семенем – в слов борозду...

## Поэзия

Слово – тень, слово – блеск, дар эфира,  
тьмой и светом на гребне волны  
гонит в бурю суденышко Лире  
по просторам морской седины.

Шторм крепчает и мачту колышет,  
злобно блещет на скулах ветров.  
Так стихия Поэзию пишет  
гулом яро-рокочущих строф.

А когда воцарится истома,  
нанесенная кистью волны,  
Лира-чайка, в пространство несомая,  
оперит солнцем строчек холсты...

Слово – тень, слово – блеск, дар эфира,  
как поэту его разгадать  
в языке – этой клеточке мира –  
и плеснуть шумом волн на тетрадь?



Как, в штормах иль в затишье промучась,  
удержать рифм и ритма весло,  
разделяя Поэзии участь –  
чтобы Слово до сердца дошло?!



\* \* \*

Сердцу ведома строка,  
и ведомо будет слово  
к чудотворности живого –  
с жилкой света – родника.  
Пригублю его исток,  
чтобы солнце со страницы  
тишиной могло пролиться  
и забрезжить между строк.  
Чтобы запахи земли  
и лугов российских росы,  
растворившись в слове, просто  
стать моей строкой могли!

## *Рождается образ...*

Рождается образ из зерен и света,  
из теплых крупинок молитв и добра,  
из тайны сиреневой завязи лета,  
омытой росистой слезою с утра.

Рождается образ из пламени листьев –  
прозрачной медовой поры янтаря,  
дарующей миру рябиновой кистью  
созвучия солнечных бус октября.

Рождается образ из *дали* разлуки,  
прелюдий хрустальных аккордов зимы,  
из льдистых снежинок рождаются звуки,  
как хрупкий звенящий узор бахромы.

Рождается образ из веточки вербы,  
размашистой кистью начертанных строк  
на синей палитре весеннего неба,  
в котором апрельских проталин исток.

Творимая **Образом** вера во благо...  
Есть чудо в слиянии слова и свеч,  
когда – как святыню – приемлет бумага  
поэзии русской исконную речь...

\* \* \*

И будет день, свечением листвы  
творящий упоительное утро,  
и сада непроснувшееся чудо,  
и шелест голубеющей травы...

И будет час, когда морская гладь  
от бриза, словно птица, встрепенется,  
и алый бубен рдеющего солнца  
плеснет на берег звучных красок  
всласть...

И будет миг предчувствия строки,  
берущей в мироздании истоки.  
Еще не оперившиеся строки  
едва крылом касаются руки...

\* \* \*

Расставания, расстояния...  
Юркнул с Курского в поезд апрель,  
но успел расплескать на прощание  
по перрону небесную гжель.  
И такой – бесшабашный и юный –  
с солнцем в прядях пшеничных волос  
он дорог убегающих струны  
протянул за оконный откос,  
где светясь огонечками почек  
проносящихся мимо лесов,  
льется даль в междуречье строчек  
голубой родниковостью слов.  
Расставания, расстояния...  
Мчится поезд... Небес синева  
по-русски течет, как сказание,  
сквозь разлуку в родные глаза...

# Содержание

Об авторе.....	3
«Зрачком небес отражена» Надежда Веселова .....	6

## Осенняя палитра

«Пока еще листва не отгорела...» .....	12
«Август рисует тонкою кистью...» .....	13
Пить август... .....	14
Предвестье осени .....	15
Вечер в Экс-ан-Провансе .....	17
Я предчувствую осень.....	18
Вечерний звон.....	19
«Не тень мою, а свет...».....	20
Бездонье глаз осенних.....	22
Белла.....	24
Берновская осень .....	26
Сентябрьские наброски.....	28
«Пока не тронут сентябрем...» .....	29
«Кончается песня, кончается лето...» .....	30
Журавлиный клин .....	31



Бегущей строкой .....	33
Княгиня Осень.....	35
И снова я возьмусь за кисть .....	37
Таинство дождя .....	39
Ограда .....	41
Запечатлеть Замоскворечье.....	43
На Ордынке .....	45
«Оттенки и созвучья тишины...» .....	46
«Осколками лето легло на тропинки...» .....	47
В неяркой палитре .....	48
«Это осень затуманила луга...».....	49
Шагреновая кожа.....	50
Ухожу от себя... ..	51
Рукою осени.....	52
Два романса .....	53
«Романса осени прощальные слова...» .....	54
«В строке октября...».....	55
Памятью не запорошено... ..	56
«Сквозным силуэтом – небесным...».....	57
Но лишь тебе.....	58
На старой даче .....	60
«Ты был осенний... пах листвой...».....	62
Осенняя акварель.....	64

«В кленовом солнце растворясь...» .....	66
Осень Купавна.....	67
«Листаю осени страницы...» .....	69
Ранний снег. Ноябрь .....	70
Георгию Адамовичу .....	71
Смывает дождь... .....	73
«Два желтых листочка сцепились дрожа...» .....	76

### *Аккорды зимы*

Брожу по ранним декаблям.....	78
Послание зимы .....	80
«Белое солнце зимы, будто в пустыне...» .....	81
«Бледное, лунное, чутьочку снежное...».....	82
«Летят снежинки, тканью звездной...» .....	83
Сверкнет поземкой слово... .....	84
Бело и пустынно... .....	86
«Беседую с бесснежным декабрем...».....	88
«В хрустальность ожерелья декабря...» .....	89

На листке судьбы .....	90
«Живу строкой, как воздухом, живу!..».....	91
На снегу твое имя вышью.....	92
Седой художник .....	93
Мой город .....	94
Предновогоднее.....	96
«А небо было цвета электрик...».....	98
Зимний вечер .....	99
«Мороз крещенский, словно воробей...» .....	101
Перед Рождеством .....	102
«Мое великое наследство...» .....	103
«Ах, зима, птица белая, нежная...» .....	104
«Лиловой парчою закутался город...» .....	105
«Подари мне божественность зимнего леса...» .....	106
Пора февральская .....	107
«Туман и сырость. Город сник...».....	108

### ***Весенних строф исток***

«Развесит утро талый блеск сосуллек...» .....	110
--	-----

Февраль и март .....	111
В Ступине .....	112
«Рождался день из капелек дождя...» .....	113
«Отзовется грустью колокольный...» .....	114
«Капелью прошьются проталины дня...» .....	115
«И вот уже весенним перебором...» .....	116
Ветренное солнце .....	117
В электричке .....	118
Тополиная весточка .....	120
«Вербное, тихое, чистое...» .....	121
«Последний снег сойдет на нет...» .....	122
«Накуролесила нынче погода...» .....	123
В Альпах .....	124
По талому бескровью .....	125
С сорока сороков .....	127
Осенний силуэт весны .....	129

### *На волосок от расставания*

«Как пройти эту грань между тем, что уже отболело...» .....	132
--	-----

Одиночество.....	133
Не уходи! .....	135
По дороге в Братиславу .....	136
Костер зимы .....	138
«Борясь с порывом декабря седого...» .....	139
Заклинание .....	140
Верни меня из декабря.....	141
«Блеск и вспышка света... Зеркала...» .....	143
«Память сердца и память пера...» .....	144
«Светоносные капли нанижет февраль...» .....	145
«Снова пишет апрель расставанья холсты...» .....	147
«А хочешь – растоплю сугроб...» .....	148
«Просто все: за окном моим плещет зима...» .....	149
«Я болею тобой и твоими стихами...» .....	150
«Перелетная птица...» .....	151
Поверить дай мне .....	152
Доживем до весны .....	153
Три мгновения .....	155
«На волосок стою от расставания...» .....	157

## *Мгновения невысохшие краски*

На кончике пера .....	160
Между землей и небом .....	161
Ассоциации.....	162
Строкою подан знак .....	164
Затеплится миг.....	165
С высоты .....	166
Цеди этот миг по песчинкам .....	167
«В изголовье Нестинарки...» .....	169
«Мы оба помним: лунной ночи хмель...».....	170
«Давай сегодня просто помолчим...» .....	171
Пустыня .....	172
«А в самом деле: как растет трава...».....	174
«Увидеть и услышать тишину...» .....	175
«Венчаю осень, веря и любя...» .....	176
«Я вышью радугой «люблю»...».....	177
«Вечер веки смежил, и во влаге зрачка...».....	178
«На наречии древнем и юном...» .....	179
«На ладье, украшенной по-царски...» .....	180

«Читаю стихию на свитке песка...» .....	181
Семь сонетов о созвучности.....	182
Явятся звуки в утро .....	189
Поэзия.....	192
«Сколько в русский язык Бог вложил глубины!..» .....	194
«Сердцу ведома строка...» .....	195
Рождается образ... ..	196
«И будет день, свечением листвы...».....	198
«Расставания, расстояния...» .....	199

Татьяна Скорикова

*Листаю осени  
страницы*

*Избранные стихотворения*

Подписано в печать 22.03.2012 г.

Формат 60x84 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>.

Гарнитура «MinionPro».

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,5. Тираж 200 экз.

Заказ № 40

ISBN 978-5-91366-415-0



ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва,

ул. Большая Никитская, д 50а/5 стр.1,

тел.: 690-67-19

[www.uniki.ru](http://www.uniki.ru)